

СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ГУБЕРНСКОГО КОМИССАРА В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ 1917 г. (НА ПРИМЕРЕ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Рассматривается проблема становления института губернского комиссара в период революционных событий 1917 г. через призму противостояния партий (эсеро-меньшевистский блок и кадеты), отягощенного борьбой между центральным правительством и региональными элитами. Подчеркивается исключительное место Томской губернии в процессе становления новых органов власти. Делается вывод о несостоятельности выбранного пути широкой демократизации власти в кризисных условиях.

Ключевые слова: Февральская революция; Сибирь; Томская губерния; региональная власть; губернский комиссар.

Период революции – это переломный этап в жизни общества и государства. Вместе с тем это динамичный процесс, одним из проявлений которого является борьба различных общественных сил (групп интересов), отстаивающих те или иные пути дальнейшего развития. Наиболее ярким проявлением общественно-противостояния является политическая борьба. Февральская революция в России в этом отношении не стала исключением.

Свержение самодержавия в Петрограде дало толчок процессу становления власти на местах на новых основаниях и принципах. Формирование властных органов на уровне губернии и уезда представляется особенно важным, так как именно региональная власть являлась основной опорой центра, от успешности ее действий зависел авторитет и дальнейшая судьба режима в целом. Особый интерес представляют сибирские практики по формированию институтов местной власти. Именно в Сибири, в Томской губернии, в этот период развернулось масштабное противостояние региональных политических и общественных элит центру по вопросу о форме устройства местной власти. Ведущую роль в этом противостоянии играли эсеро-меньшевистский партийный блок и местные политические элиты, придерживающиеся областнических взглядов. Наиболее ярко в Томской губернии проявились тенденции к особому пути автономизации и демократизации власти.

Многие вопросы истории революции в Сибири получили подробное рассмотрение в работах как советских историков, так и современных авторов. Отдельные аспекты проблемы формирования местной власти в Сибири после Февральской революции исследованы в трудах В.А. Соловьевой, Е.Н. Бабиковой, в коллективной монографии под редакцией И.М. Разгона, работах Н.С. Ларькова, В.И. Шишкина, В.М. Шиловского [1–6]. Однако проблема становления институтов губернской администрации в переходный период не была предметом специального изучения. В данной работе автор ставит цель реконструировать процесс становления института губернского комиссара в Томской губернии и выявить его особенности, что позволит определить факторы, повлиявшие на принятие ключевых решений в сфере организации местной власти, которые в конечном итоге привели к несостоятельности агентов центральной власти на губернском уровне и, как следствие, слабости всего полити-

ческого режима Временного правительства. Данный подход позволит взглянуть на проблему взаимоотношения центральной и региональной власти под новым углом, даст возможность выявить общие механизмы взаимодействия центра и регионов в переходные периоды.

Известия о Февральской революции в Петрограде дали толчок процессу создания новых органов управления в Томске. Уже в начале марта, до официального постановления Временного правительства об организации власти (4 марта 1917 г.) и без его активного участия, в городе начали создаваться общественные комитеты. 2 марта 1917 г. на совещании гласных городской думы и представителей различных общественных организаций был сформирован Томский Временный комитет общественного порядка и безопасности. В комитет вошли представители практически всех политических партий, а также Государственной думы, различных ведомств и учреждений города. Одновременно с созданием комитета в городе были организованы Совет рабочих и солдатских депутатов, а также Совет офицерских депутатов. Однако в первые месяцы своего существования советы не выступали в качестве самостоятельных органов власти и не противопоставляли свою деятельность комитету. Стремительный процесс самоорганизации власти в Томске можно объяснить тем, что к моменту революции в городе уже сложилась определенная политическая элита, проявившая себя за годы Первой мировой войны посредством работы в Военно-промышленном комитете, отделении Всероссийского союза земств и городов, различных кооперативных и общественных организациях. После свержения царской администрации эти люди стремительно заняли ключевые посты на политической арене. Этому также способствовало отсутствие рекомендаций по организации власти со стороны Временного правительства.

Вскоре после образования, уже 4–5 марта, Томский Временный комитет объявил себя губернским органом власти, руководящую роль в нем заняли эсеры и меньшевики, а также выступающие в союзе с ними областники. В социальном отношении в комитете преобладали представители интеллигенции (преподаватели, учителя, врачи, юристы, инженеры, студенты). Согласно постановлению Временного комитета от 7 марта 1917 г. он объявлялся представителем государственной власти на местах и отвечал за поря-

док: «Всякое противодействие Временному правительству и его представителю Временному комитету является изменой и будет пресекаться самым решительным образом» [7. Л. 2]. Председателем нового властного органа стал известный в городе юрист Борис Митрофанович Ган. Вскоре из состава комитета был избран комиссариат по управлению губернией, состоящий из трех человек. В комиссариат вошли известные в городе общественные и политические деятели: неперменный член Томского губернского управления А.А. Барок, помощник заведующего переселенческим управлением М.А. Воскобойников и присяжный поверенный П.В. Вологодский. Председателем комиссариата также стал Б.М. Ган. Можно говорить о том, что актом образования комиссариата комитет стремился закрепить свою власть и стать посредником в отношениях с центральным правительством и тем самым получить всю полноту власти в губернии.

Однако такое положение дел на местах не соответствовало намерениям центральной власти, которая, несмотря на заявления о широкой демократизации управления, не решилась оставить ситуацию на местах без контроля. Будущий комиссар Временного правительства по Томской губернии Е.Л. Зубашев по этому поводу замечал следующее: «Предоставляя большую самостоятельность местным самоуправлениям, Временное правительство считало, тем не менее, необходимым назначать правительственных комиссаров из местных общественных деятелей, выдвинутых на эти посты местной общественностью» [8. С. 94]. Постановлением Правительства от 4 марта 1917 г. [9. С. 293] утверждался институт губернских и уездных комиссаров как орган, представляющий центральную власть на местах. Губернские комиссары должны были следить за правильностью исполнения распоряжений правительства и содействовать общественным комитетам. В тех губерниях, где существовали органы земского самоуправления, на должности губернских и уездных комиссаров были назначены соответственно председатели губернских и уездных земских управ. В губерниях, где земство не было учреждено (в том числе и в сибирских), вопрос об административном управлении оставался открытым. Ситуацию планировалось разрешить в ходе консультаций Правительства и местных общественных организаций. Однако многие сибирские губернии столкнулись с трудностями в выборе комиссара, другие не признавали необходимости в этом. Правительство, пытаясь решить эту проблему, направляло в такие губернии своих представителей (комиссаров Временного правительства), основной задачей которых была помощь в организации местной власти, в частности избрание губернского комиссара из представителей местной общественности. Подробной инструкции действий правительственных комиссаров разработано не было. Временное правительство следующим образом разъясняло их функции: «Комиссары Временного правительства, посылаемые на места, имеют своей задачей не становиться поверх созданных органов в качестве высшей инстанции, но лишь служить по-

средствующим звеном между ними и центральной властью и облегчить вопрос их организационного оформления» [10. Л. 45]. Правительственные комиссары фактически не были наделены властными полномочиями, а должны были лишь консультировать общественность на местах и направлять процесс организации власти.

Преимущество в выборе правительственных комиссаров отдавалось тем общественным и политическим деятелям, которые имели связь с местным населением, были хорошо знакомы с особенностями губернии. Комиссаром по Томской губернии был назначен Ефим Лукьянович Зубашев, хорошо известный городу общественный и политический деятель. С 1899 г. Е.Л. Зубашев был директором Томского технологического института, также возглавлял его строительный комитет. С открытием института занимался преподавательской и общественной работой. С 1905 г. Зубашев входил в состав комитета томского отделения кадетской партии, возглавлял правления Сибирского товарищества печатного дела, Томское отделение Русского музыкального общества. С 1910 г. входил в состав гласных городской думы Томска. Он также был избран на пост городского головы, но его кандидатура не была утверждена Министерством внутренних дел. В 1912 г. Е.Л. Зубашев был избран членом Государственного Совета от Барнаульского биржевого комитета и покинул Томск.

В марте 1917 г. Е.Л. Зубашев получил назначение на пост комиссара Временного правительства по Томской губернии. До отъезда в Томск Ефим Лукьянович встретился в Петрограде с некоторыми членами Правительства для получения более подробных указаний относительно своей деятельности на новом посту. Основные указания Г.Е. Львова, который одновременно занимал пост главы Правительства и министра внутренних дел, по заключению Зубашева, состояли в следующем: «...необходимо, чтобы все Правительственные учреждения продолжали спокойно работу, а потому временно старый административный аппарат должен быть сохранен в целостности...» [8. С. 95]. На вопрос Е.Л. Зубашева об организации низового уровня управления на местах (уезда, села, волости) глава правительства ответил следующее: «Все это будет предусмотрено новым положением; положение будет через месяц не более, опубликовано, а до тех пор как-нибудь просуществуют» [Там же]. Такие указания, по словам Е.Л. Зубашева, смущали его: «Не мог же я, в случае, если предложат мне вопрос как организовать уездное управление, ответить “как-нибудь просуществуете”» [Там же]. Правительство переоценивало уровень правосознания народных масс и оставляло ситуацию с организацией низового уровня управления без своего контроля. Однако такое положение дел вносило определенную долю хаоса в развитие политической ситуации на местах, а также позволяло местным политическим лидерам действовать в выгодном для них направлении.

В новой должности правительственного комиссара Ефим Лукьянович прибыл в Томск 19 марта 1917 г. [11. 25 марта]. По данным «Голоса Свободы» – офи-

циального печатного органа Томского Временного комитета общественного порядка и безопасности, встреча комиссара проходила на торжественном уровне. По распоряжению Временного комитета на вокзал были отправлены почетный караул, эскорт казаков, оркестр, также комиссар был встречен представителями распорядительного и исполнительного бюро комитета, воинским начальником, городским головой, начальником железной дороги и другими чиновниками.

По приезду Е.Л. Зубашев получил краткий доклад о положении дел в городе от Б.М. Гана, встретился с городским головой и некоторыми членами городской управы. Как позже Зубашев отметил в своих воспоминаниях о поездке в Сибирь, «они жаловались на самочинные действия Распорядительного бюро комитета». Также в день приезда Ефима Лукьяновича в «Доме Свободы» состоялось его знакомство с начальниками местных государственных учреждений и самоуправлений, организованное Временным комитетом. Е.Л. Зубашев выступил на совещании в бывшем губернаторском доме с докладом о ситуации в Петрограде. Он также разъяснил цель своего приезда – выяснение желательных для местной общественности кандидатов на посты Томского и Енисейского правительственных комиссаров, которые должны быть назначены вместо отстраненных губернаторов. В этот же день комиссар посетил офицерское собрание и Совет солдатских депутатов.

На следующий день Е.Л. Зубашев познакомился с членами Распорядительного бюро Временного комитета. Вот как он описывал эти события: «При первом же знакомстве с членами бюро я получил ясное представление о значении отдельных его членов. По правую руку от Гана сидели три социал-революционера, а по левую – три большевика. Сам Ган хотел себя видеть независимым беспартийным деятелем, но это ему плохо удавалось» [12]. В последующие дни комиссар занимался изучением ситуации в губернии, определением полномочий и законности вновь созданных органов власти. В середине апреля Е.Л. Зубашев отправил в Министерство внутренних дел обстоятельный доклад о политической ситуации на местах. Доклад практически не содержал оценочных характеристик тех или иных событий, а ограничивался лишь описанием произошедших в губернии перемен.

20 апреля 1917 г. в городе было открыто Томское губернское народное собрание. Основную часть депутатов составляли представители партии эсеров (61,3%). Из 522 выбранных представителя 70% составляли крестьяне, примерно 20% мест получила интеллигенция, 10% – солдаты и рабочие [1. С. 71]. Создававшаяся система управления губернией была призвана в дальнейшем заменить собой временные комитеты, городские думы, сельские и волостные правления и отдельные государственные учреждения города. Стоит отметить, что этот процесс шел вне центрального законодательства. С началом работы собрания отношение его депутатов к правительственному комиссару Зубашеву значительно ухудшилось. Местные политические деятели всячески стремились

подчеркнуть свою самостоятельность, показать более глубокое понимание нужд и проблем губернии. Открывая Томское губернское народное собрание, Б.М. Ган заявлял: «Революция выдвинула на поверхность Томской губернии небольшую группу людей, которой пришлось взять в свои руки исключительную власть и исключительную ответственность» [13]. Стремления к независимости от центральной власти также подчеркивались в одном из сообщений «Голоса Свободы». Говоря о первостепенных задачах Народного собрания, газета отмечала: «Охрана свобод, их углубление и, в союзе с другими общественными организациями и партиями, давление в известном направлении на центральную власть, – все это явится для Народного Собрания основными пунктами их реальной деятельности» [11. 11 апр.]. Эти же идеи отчетливо звучали в приветственных речах на открытии собрания. Уездный комиссар М.П. Рудаков, обращаясь к депутатам, заявлял: «Вы достаточно сильны, чтобы создать новые законы местного самоуправления. За начальниками и управителями вы не пошлете в Петроград – сами будете управляться. ...Мы верим, что Вы сами будете все делать, – и кроме Вас нет другой власти» [13].

В первые дни работы собрание обсуждало насущные для губернии вопросы, которые касались обеспечения населения продовольствием, регулирования цен и т.д. Е.Л. Зубашев в своих воспоминаниях так описывал атмосферу, царившую в Томском губернском народном собрании: «В губернском собрании особенно порядка не наблюдалось. Говорились агитационные речи, поднимались вопросы не местного значения, вопросы в которых большинство собравшихся даже не разбиралось; так, напр., одним с.-д. меньшевиком был поставлен на очередь вопрос “об отделении церкви от государства”» [8. С. 107]. Неорганизованность работы губернского собрания отмечал также П.В. Вологодский. Как писала «Голос Свободы», «перед открытием собрания председательствующий П.В. Вологодский обращается к депутатам с указанием на то, что собрания проходят при крайне нежелательной обстановке. В виду важности и большого количества вопросов, требующих своего разрешения, просит депутатов серьезнее отнестись к своим обязанностям, не перебивать друг друга, не употреблять обидных слов и занимать свои места по первому звонку» [11. 26 апр.]. Подобные выводы о работе собрания делала также либеральная газета «Сибирская жизнь»: «Слишком много слов, речей, взаимных приветствий и почти полное отсутствие решенных практических мероприятий» [12. 28 апр.].

Первое выступление Е.Л. Зубашева в народном собрании состоялось 25 апреля. Он приветствовал депутатов от имени Временного правительства, а также обозначил первостепенную для местного самоуправления задачу – выборы губернского и уездного комиссаров. Говоря о должности комиссара, Зубашев отмечал: «Правительство считает, что самоуправление должно быть организовано на широких общественных началах. Представители на местах должны быть представителями правительства, но они являют-

ся только органом следящим за законностью, облеченным доверием и правительства и народа» [11. 28 апр.]. Однако Томское губернское народное собрание видело идеал будущего устройства власти в губернии в демократическом коллективном управлении. Идеи Зубашева не нашли широкой поддержки среди депутатов собрания. 26 апреля он выступил на открытии уездного народного собрания. Это выступление он считал вполне успешным, в своих воспоминаниях отмечал следующее: «Я посетил уездное собрание, приветствовал его, сделал маленькое сообщение и указал на необходимость избрания уездного правительственного комиссара. После краткого обмена мнений собрание признало необходимость выбора такого комиссара, но самые выборы решило отложить на конец съезда, когда собравшиеся делегаты более ознакомятся между собою» [8. С. 107].

Ситуация в губернском собрании складывалась сложнее. На заседании 30 апреля был представлен доклад комиссии о народных собраниях и исполнительных комитетах губернии. Согласно этому докладу вся полнота власти в губернии принадлежит только губернскому народному собранию и его исполнительному комитету. Институт комиссаров в эту концепцию не вписывался. Однако, выступая на заседании 9 мая, Е.Л. Зубашев вновь пытался убедить местную общественность в необходимости выбора правительственного комиссара: «Временным правительством предоставлено Народным собраниям право самим организовывать и устраивать свою власть, но, не смотря на это, губерния не должна представлять отдельной республики. Правительство считает, что для объединения действий местных органов и для надзора за законностью их действий необходимо на местах избрать лицо, являющееся представителем центральной власти. В Европейской России такими лицами – комиссарами явились представители земств, в Сибирь же – пришлось комиссаров назначать», – говорил Е.Л. Зубашев [11. 16 мая]. Он также настаивал на том, что именно народное собрание, состоящее из представителей населения всей губернии, должно избрать кандидата, подходящего на пост губернского правительственного комиссара. Однако после обсуждения этого вопроса собрание единогласно постановило: «Донести до сведения времен. правительства о том, что губ. нар. собрание решило признать должность губернского комиссара в Томской губернии излишней что сносится с правительством и представлять его в губернии должен губернский исполнительный комитет» [Там же]. Собрание также высказалось против представителей правительства в уездах и волостях. Обращаясь к демократической риторике, представители местной власти находили законное объяснение своих действий. Возражая такому решению, Е.Л. Зубашев говорил о необходимости поддерживать тесную связь с центром для получения средств на содержание многочисленных учреждений города.

Заявления Зубашева были встречены собранием крайне негативно. Председатель Совета солдатских депутатов большевик Н.Н. Яковлев выражал свое открытое недовольство тем фактом, «что Временное

Правительство командировало в Томск хотя и известного Томску общественного деятеля, Зубашева, но все таки представителя буржуазии, а не социалиста...» [8. С. 108]. Яковлев также решительно заявлял: «Никакого Правительственного комиссара нам не нужно, мы САМИ сумеем управлять своими делами, мы просим г-на Зубашева также уехать из Томска: он сюда приехал с полномочиями прежнего буржуазного правительства, а не настоящего, в которое вошли также и социалисты (правительство 2 мая)» [Там же].

В поддержку идеи о неприятии должности губернского комиссара в «Голосе Свободы» была опубликована статья Петроградской меньшевистской газеты «Новая жизнь». Авторы статьи допускали возможность существования института комиссаров временно, до создания демократических органов местного самоуправления, таких как земства и думы, а также в исключительных случаях, если «правительство не знает, кому доверять на местах» [11. 18 мая]. Все полномочия губернских комиссаров считалось возможным исполнять городским головам и председателям земских управ. Надзор же за законностью постановлений предполагалось поручить судам разных уровней.

После инцидента в народном собрании, согласно воспоминаниям Е.Л. Зубашева, состоялась его встреча с главой томской эсеровской партии и председателем уездного народного собрания М.Д. Михаловским, который был возмущен решением губернского народного собрания относительно неприятия должности губернского комиссара. Как отмечал Зубашев, Михаловский, узнав о решении собрания, собрал свою партию, «...на собрании они “высекли” (так он выразился) своих представителей в губернском собрании, баллотировавших против выборов губернского комиссара, или отнесшихся пассивно к этому вопросу, и предложил им настоять на пересмотре этого вопроса» [8. С. 108–109]. Идею о пересмотре данного решения поддержали еще ряд делегатов, не присутствовавших на собрании, как отмечал Зубашев. Через несколько дней вопрос был вновь поднят на заседании губернского собрания. После недолгих обсуждений было принято решение выборы комиссара все-таки произвести, но отложить их на конец съезда. Зубашев вскоре вернулся в Петроград, считая свою задачу выполненной. Уезжая, он отмечал, что «провожали его не так торжественно, как встречали. На вокзал приехали известный в городе общественно-политический деятель, просветитель – П.И. Макушин, и несколько профессоров Технологического института» [8. С. 109]. Г.Г. Тельберг – управляющий делами Совета министров колчаковского правительства, позже характеризовал сложившуюся ситуацию следующим образом: «Е.Л. Зубашев, при самых лучших намерениях, оказался поставленным в столь безвластное положение, что не мог помешать вопиющему беззаконию в виде произвольной системы выборов в городские и земские собрания, и в столь беспомощное, что даже собственные его телеграфные сношения с центральной властью находились под цензурным контролем местного “комитета общественной безопасности”» [14]. Е.Л. Зубашев не был принят местной об-

щественностью, несмотря на то что был хорошо знаком городу и его жителям. Такое назначение «из центра» воспринималось на местах как попытка ограничить самостоятельность, нарушить демократические процессы. Местная политическая элита, закрепив власть в своих руках, стремилась к диалогу с центром только на равных условиях, как партнер.

Можно предположить, что в период марта – апреля 1917 г. вокруг института губернского комиссара в Томске шла борьба двух политических сил – центра и региона. Эсеро-меньшевистский блок при поддержке региональных элит выступал против самого института губернского комиссара, о чем свидетельствуют решения Томского губернского народного собрания от 9 мая. Ситуация изменилась после Апрельского кризиса Временного правительства, в результате которого в его состав вошли министры-социалисты. Народное собрание, эсеровское по составу, далее не могло сопротивляться политике центра. На заседании 10 мая была принята резолюция по вопросу об отношении к Временному правительству: «Признавая, что Временное Правительство пополнено в настоящее время представителями от социалистических партий и что оно приняло программу, отвечающую требованиям демократии, томское губ. нар. собрание выражает обновленному правительству свое доверие до тех пор, пока оно пользуется поддержкой советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» [11. 20 мая]. Так, после разговора Зубашева с главой томского отделения эсеровской партии Михаловским собрание пересмотрело свое решение. Институт губернского комиссара был принят.

После отъезда Ефима Лукьяновича на очередном заседании губернского народного собрания, 18 мая, было принято решение «предложить Правительству утвердить своим губернским комиссаром Председателя Томского губернского исполнительного комитета» [Там же. 25 мая]. Представления местных политических лидеров гораздо больше соответствовала кандидатура местного общественного деятеля, придерживающегося тех же взглядов и преследующего те же цели. Однако ответом на самостоятельность томских политиков было назначение комиссара из центра. 19 мая председателем собрания Б.М. Ганом была получена телеграмма от министра внутренних дел Временного правительства Г.Е. Львова. Министр заявлял: «...нежелание считаться с решениями правительства лишило возможности Министерство внутренних дел признать местные организации законно действующими и имеющими право пользоваться средствами государственного казначейства» [Там же. 21 мая]. Также в этой телеграмме Львов говорил о том, что обязанности губернского комиссара временно поручены управляющему казенной палатой в Томске – Маршангу. Гану же было предложено принять такие решения к руководству.

Однако ситуация в губернии сложилась таким образом, что назначенный комиссаром Маршанг так и не вступил в должность, столкнувшись с сильным противодействием исполнительного комитета народного собрания. Прежде всего, исполнительный коми-

тет возмущало то, что комиссар был управляющим казенной палатой, чиновником царской власти, бюрократом. Вот как комментировали ситуацию члены комитета: «Исходя из точки зрения революционного момента, мы, несомненно, должны допустить, что Временное правительство не только имеет право, но и имеет обязанность назначить комиссаров, т.е. сотрудников, на началах демократического управления на местах. И вот с этой точки зрения мы приветствуем их назначение. Но мы, несомненно, должны протестовать, когда Временное правительство хочет нас взять в ежовые рукавицы путем назначения представителя старого правительства» [15. Л. 46.]. Маршанг описывал сложившуюся ситуацию следующим образом: «Губернский исполнительный комитет фактически вступил в управление губернией, о чем уведомил меня отношением от 24 мая. Председателем Губернского исполнительного комитета избран присяжный поверенный Ган. Совет солдатских депутатов и организации социалистов-революционеров и социал-демократов выразили губернскому исполнительному комитету доверие. При таких условиях не считаю возможным вступить в исполнение обязанностей комиссара» [11. 26 мая].

Местные политические лидеры (члены исполнительного комитета народного собрания) использовали настроения народных масс и демократическую риторику, чтобы «отстоять» своего кандидата. Основной упор в своих заявлениях они делали на то, что Б.М. Ган – «лидер демократический сил», избранный и поддерживаемый народом и с этой точки зрения вполне легитимный. Маршанг же чиновник старого, ушедшего и непопулярного в народе порядка. Эсеро-меньшевистский блок занял в этом противостоянии ведущую роль. Так, местные партийные комитеты социалистов-демократов и социалистов-революционеров отправили телеграмму в Петроград министру-председателю А.Ф. Керенскому и копии министрам-социалистам: И.Г. Церетели, В.М. Чернову, М.И. Скобелеву, А.В. Пешехонову, П.Н. Переверзеву, а также председателю совета рабочих и солдатских депутатов. Телеграмма была направлена в Правительство, минуя его главу – Г.Е. Львова. В телеграмме они заявляли: «Считая указанные меры недопустимыми, и подрывающими авторитет, как местной выборной народной власти, так и центрального революционного Правительства, мы, от лица представляемых нами организаций, настаиваем на отмене указанного правительственного распоряжения и на незамедлительном утверждении комиссаром председателя губернского исполнительного комитета Гана».

После данных событий Б.М. Ган был вызван в столицу. Е.Л. Зубашев в своих воспоминаниях относительно этого события отмечал: «Ган, приехавши в Петроград, прежде всего, отправился в Совет солд. и раб. депутатов с докладом о Томских делах и с разъяснением цели своего приезда. И только, получив ответственное одобрение, явился в Министерство. Такой окольный путь произвел в Министерстве не совсем приятное впечатление...» [8. С. 109]. Можно предположить, что комиссар отправился в Совет с

благодарностью за поддержку своей кандидатуры, а также для согласования своих дальнейших действий. Только после этого он посетил Правительство. Однако такие действия комиссара Правительством были приняты, и после ряда переговоров Ган был утвержден в должности Томского губернского комиссара (7 июня 1917 г.). Данный сюжет позволяет говорить об утрате влияния правой части правительства на процессы, происходящие в провинции.

Утверждение Б.М. Гана в должности комиссара свидетельствовало о росте влияния эсеро-меньшевистского блока в центре страны и на местах (после апрельского кризиса Правительства). После достижения данного компромисса между Правительством и местными политическими элитами ситуация в губернии стабилизировалась. Уже в июле 1917 г. Б.М. Ган в одном из своих официальных заявлений отмечал: «Комиссар, опираясь в своей деятельности на объединенные демократические органы, является, прежде всего, представителем власти центрального правительства и обязан руководствоваться указаниями Временного правительства и проводить его политику, не допуская никаких отклонений от нее в чью либо пользу» [11. 30 июля]. В конце лета – осенью 1917 г. отмечалось усиление позиций губернского комиссара, его политика становилась более самостоятельной. В своей деятельности глава губернии все больше опирался на государственные институты. В этом отношении наблюдался парадокс: укрепление власти губернского комиссара Б.М. Гана сопровождалось одновременным ослаблением влияния партийного (эсеро-меньшевистского) блока, который привел его к власти. Однако реальная власть в губернии ослабевала, что могло быть связано с ростом популярности боль-

шевиков и нарастанием народной стихии как центре, так и на местах. Радикальные идеи постепенно проникали в Советы, профсоюзы и другие общественные организации города.

Подводя итог, необходимо отметить, что становление губернской власти в Томске в период марта – сентября 1917 г. представляло собой сложный процесс, тесное переплетение партийной борьбы эсеро-меньшевистских сил, преобладающих в Комитете общественного порядка, затем в Народном собрании, и умеренного блока, представленного в высших правительственных органах власти. В эту борьбу также были вовлечены региональные элиты, которые стремились сохранить власть в своих руках и, в то же время, не подчиниться центральному правительству, а выстроить договорные отношения с ним. В начальный период организации власти эсеры и меньшевики, как наиболее активные и многочисленные политические силы губернии, сумели утвердить свою модель губернской власти – губернский комиссар, опирающийся на демократические силы. Однако такая модель вскоре доказала свою неустойчивость и, как следствие, нежизнеспособность. Губернский комиссар при опоре на местную демократию в действительности не имел реальных и независимых от политической конъюнктуры и народных масс механизмов проведения своего курса в жизнь. Такую ситуацию также усугубляло отсутствие продуманного политического курса центрального правительства. Можно говорить о том, что совокупность всех этих факторов привела в конечном итоге к падению власти Временного правительства. Действия большевиков оказались более эффективными, они сумели повлиять на народную стихию и, вместе с тем, подчинить ее своим целям, направить в нужное русло.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соловьева В.А. Томский комитет общественного порядка и безопасности в 1917 г. // Материалы научной конференции по истории Сибири, посвященной 50-летию Великого Октября. Томск. 1967.
2. Бабикова Е.Н. Двоевластие в Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1980. 159 с.
3. Победа Великого Октября в Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1987. Ч. 1. 256 с.; Ч. 2. 320 с.
4. Шиловский В.М. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2003. 427 с.
5. Ларьков Н.С. Милитаризация Томской власти в годы гражданской войны // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. Т. 12. С. 109–114.
6. Шишкин В.И. Государственное управление Сибирью в конце XIX – первой трети XX в. // Сибирская Заимка. URL: <http://zaimka.ru/shishkin-government/>
7. Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. 166. Оп. 1. Д. 23.
8. Зубашев Е.Л. Моя командировка в Сибирь // Вольная Сибирь. Общественно-экономический сборник. Прага : Изд. Общества сибиряков в ЧСР, 1927. № 2.
9. Титов Ю.П. Хрестоматия по истории государства и права России. М. : Проспект, 1997. 470 с.
10. ГАТО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 8.
11. Голос Свободы (Томск). 1917.
12. ТПУ. URL: <http://portal.tpu.ru/person/zubashev/education>
13. Сибирская жизнь (Томск). 1917. 22 апр.
14. Сибирская жизнь (Томск). 1918. 7 авг.
15. ГАТО. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 34.

Статья представлена научной редакцией «История» 26 июня 2016 г.

ESTABLISHMENT OF THE PROVINCIAL COMMISSIONER INSTITUTE DURING THE REVOLUTION OF 1917 (ON THE EXAMPLE OF TOMSK PROVINCE)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 409, 72–78.

DOI: 10.17223/15617793/409/11

Dina S. Kozlova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dina.my-mail@yandex.com

Keywords: February revolution; Siberia; Tomsk Province; provincial authority; provincial commissioner.

The period of revolution is a critical stage in the life of a society and a state. The most forcible display of this period is a political struggle of various interest groups that defend one or another way of national development. The February revolution in Russia was not an exception. The overthrow of autocracy in Petrograd gave momentum to the fast pace of developments in provinces. It was the beginning of the formation of local governments on new bases and principles. The process of public authority formation in provinces and counties is particularly important. Regional government was the main power basis of central authorities. The future and prestige of the whole political regime depended on the success of regional government actions. In the article the process of formation of the institute of the provincial commissioner in Tomsk Province and its special aspects are reconstructed. Siberia, especially Tomsk Province, had particular practices of forming of local government institutes during this period. Massive confrontation on the question of the local authority structure between the regional political and public elite and central authorities took place in Tomsk Province. The leading role in this confrontation belonged to the coalition of the Socialist Revolutionary, Constitutional Democrat and Menshevik parties, as well as the regional political elite who tried to stay in power. These interest groups dominated in the Tomsk Committee of Public Order and Security, then in the National Assembly. They lobbied for the institute of the provincial commissioner relying on democratic forces. At the initial stage of the local government formation the Social Revolutionaries and the Mensheviks, having great popularity, approved of this model of the provincial authority. It was Tomsk Province that showed such a tendency to a special way of autonomy and democratization of power. However, the democratic model of the organization of local government soon proved its instability and, as a result, frailty. The provincial commissioner supported by the local democracy actually had no real and independent mechanisms to pursue a policy. This situation was also complicated by the deficiency of a well-weighed political course of central authorities. All these factors finally led to the overthrow of the Provisional government regime. The Bolsheviks' actions proved to be more effective. They managed to affect the public sentiment and to bent people to its will and political course.

REFERENCES

1. Solov'eva, V.A. (1967) [Tomsk committee of public order and safety in 1917]. Proceedings of the scientific conference on the history of Siberia, dedicated to the 50th anniversary of the Great October Revolution. Tomsk. (In Russian).
2. Babikova, E.N. (1980) *Dvoevlastie v Sibiri* [Dual power in Siberia]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Razgon, I.M. (ed.) (1987) *Pobeda Velikogo Oktyabrya v Sibiri* [The victory of the Great October Revolution in Siberia]. Vols 1, 2. Tomsk: Tomsk State University.
4. Shilovskiy, V.M. (2003) *Politicheskie protsessy v Sibiri v period sotsial'nykh kataklizmov 1917–1920 gg.* [Political processes in Siberia during the social upheavals of 1917–1920]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf.
5. Lar'kov, N.S. (2002) Militarizatsiya Tomskoy vlasti v gody grazhdanskoy voyny [The militarization of the Tomsk government during the Civil War]. *Trudy Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya*. 12. pp. 109–114.
6. Shishkin, V.I. (2013) *Gosudarstvennoe upravlenie Sibir'yu v kontse XIX – pervoy treti XX v.* [State Administration of Siberia in the late 19th – early 20th centuries]. [Online] Available from: <http://zaimka.ru/shishkin-government/>.
7. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 166. List 1. File 23. (In Russian).
8. Zubashev, E.L. (1927) Moya komandirovka v Sibir' [My trip to Siberia]. In: Yakushev, I.A. (ed.) *Vol'naya Sibir'*. *Obshchestvenno-ekonomicheskiy sbornik* [Free Siberia. A socio-economic collection]. Vol. 2. Prague: Izd. Obshchestva sibiryakov v ChSR.
9. Titov, Yu.P. (1997) *Khrestomatiya po istorii gosudarstva i prava Rossii* [Readings on the history of the Russian state and law]. Moscow: Prospekt.
10. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 166. List 1. File 8. (In Russian).
11. *Golos Svobody*. (1917).
12. *TPU*. [Online] Available from: <http://portal.tpu.ru/person/zubashev/education>.
13. *Sibirskaya zhizn'*. (1917) 22 April.
14. *Sibirskaya zhizn'*. (1918) 7 August.
15. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-166. List 1. File 34. (In Russian).

Received: 26 June 2016